

въ Петербургѣ, или за границей, или даже разными случайными путями самоучкой, занимала и классическая древность, и славнѣйшія произведенія новѣйшей литературы. Кружокъ ихъ былъ невеликъ; въ петровское и первое послѣ-петровское время такихъ людей можно пересчитать по пальцамъ: они знаютъ другъ друга и отчасти держатся вмѣстѣ, какъ Теофанъ, Кантемиръ, Татищевъ, нѣкоторые ученые нѣмцы изъ академіи—они составляютъ нашу первую интеллигенцію начала XVIII-го вѣка. Имъ близки „греки и латины“, имъ извѣстны наиболѣе крупныя произведенія литературы исторической, политической, богословской; возникаетъ мысль прилагать новое знаніе къ явленіямъ русской жизни, къ русской исторіи. Начитавшись римскихъ сатириковъ и Буало, Кантемиръ задумываетъ русскую сатиру; Ломоносовъ, по нѣмецкимъ образцамъ, пишетъ оду; Сумароковъ, восхищаясь французскими драматургами, задумываетъ русскія трагедіи и комедіи. Первые приступы трудны, внѣшняя форма и языкъ мало поддаются благимъ намѣреніямъ,—но основной планъ будущихъ работъ засѣлъ крѣпко, и дальнѣйшее развитіе литературы на новомъ пути уже обезпечено первыми грубыми попытками. Онѣ по-неволѣ были грубы: та среда, которою живетъ литература, была слишкомъ тѣсная; старина представляла еще болѣе грубые antecedенты, какими были, напр., нескладное syllabическое стихотворство, какъ драматическіе опыты конца XVII вѣка, какъ рукописные опыты переводовъ иностранныхъ повѣстей и романовъ въ началѣ столѣтія. Общество, въ громадномъ большинствѣ чуждое новому образованію, не имѣло еще языка для выраженія тѣхъ болѣе тонкихъ мыслей и ощущеній, которыя возникали съ новымъ просвѣщеніемъ, которыя хотѣлось усвоить изъ иноземной литературы. Въ первомъ литературномъ языкѣ была большая примѣсь церковно-славянскаго элемента, и это было естественно: прежде это былъ обычный книжный языкъ, и извѣстные выработанные обороты для передачи возвышенной мысли и чувства можно было найти готовыми только въ языкѣ библіи и церковныхъ писателей. Какъ извѣстно, наклонность къ этому стилю удержалась до первой четверти нашего столѣтія, когда еще велся споръ „о старомъ и новомъ слогѣ“. Писатели того періода и круга, которые обвиняются въ оторванности отъ народа, стремятся именно къ тому, чтобы дать въ книжномъ языкѣ мѣсто русскому народному элементу. Очевидно, что винить ихъ за это очень мудрено.

То образовательное содержаніе, какое почерпалось теперь въ литературахъ классической и новой европейской, съ теченіемъ